

Добрыня в отъезде

Говорит Добрыня сын Никитич

Своей государыне родной матушке:

«Ах ты ей, государыни родна матушка!

Ты на что меня, Добрынюшку, несчастного спородила?

Спородила бы, государыня родна матушка,

Ты бы беленьким горючим меня камешком,

Завернула в тонкой в льняной во рукавичек,

Спустила бы меня во сине море:

Я бы век, Добрыня, в море лежал,

Я не ездил бы, Добрыня, по чисту полю,

Я не убивал бы, Добрыня, неповинных душ,

Не пролил бы крови я напрасныя,

Не слезил, Добрыня, отцов-матерей,

Не вдовил, Добрыня, молодых жен,

Не пускал сиротать малых детушек».

Ответ держит государыни его матушка:

«Я бы рада тебя, дитятко, спородити

Таланом-участью в Илью Муромца,

Силой в Святогора-богатыря,

Смелостью в Алешку во Поповича,

Красотой бы я в Осипа Прекрасного,

Я походкою бы тебя щепливою¹

Во того Чурилу во Пленковича,

Я бы вежеством в Добрынюшку Никитича:

Сколько тыя статьи есть², а других Бог не дал,

Других Бог не дал, не пожаловал».

Скоро-наскоро Добрыня он коня седлал,

Поезжал Добрыня во чисто поле,

Провожала Добрыню родна матушка,

Простилася, воротилася,

Домой пошла, сама заплакала,

Учала по палаты похаживать,

Начала голосом поваживать

Жалобнехонько она, с причетью.

У тыя было у стремяны у правыя

Провожала Добрыню любимая семья³,
Молода Настасья дочь Никулична;
Сама говорила таково слово:
«Когда Добрынюшка домой будет,
Когда дожидать Добрыню из чиста поля?»
Отвечал Добрыня, сын Никитич:
«Когда у меня ты стала спрашивать,
Тогда я стану тебе сказывать:
Сожидай Добрынюшку по три году;
Если в три году не буду, жди другого три;
А как сполнится времени шесть годов,
Да не буду я домой из чиста поля,
Поминай меня Добрынюшку убитого,
А тебе-ка-ва, Настасья, воля вольная:
Хоть вдовой живи, хоть замуж поди,
Хоть за князя поди, хоть за боярина,
А хоть за русского могучего богатыря,
А только не ходи за моего брата за названого,
За смелого за Алешу за Поповича».
Стала дожидать его по три году,
Как день за днем, будто дождь дождит,
Неделя за неделей, как трава растет,
А год за годом, как река бежит.
Прошло тому времени да три году,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Стала сожидать его по другое три,
Опять день за днем, будто дождь дождит,
Неделя за неделей, как трава растет,
А год за годом, как река бежит.
Прошло тому времени шесть уже лет,
Не бывал Добрыня из чиста поля.
Во тую пору, в то время
Приезжал Алеша из чиста поля,
Привозил он весточку нерадостну,
Что нет жива Добрыни Никитича.
Тогда государыня родна его матушка
Желешенько она о нем плакала,
Слезила она очи ясныя,
Скорбила она лице белое

По своем рожоном дитятке,
По молодом Добрыне Никитиче.
Стал солнышко Владимир тут похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать:
«Как тебе жить молодой вдовой,
Молодой век свой коротати?
Поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
Хоть за русского могучего богатыря,
А хоть за смелого Алешу Поповича».
Отвечала Настасья, дочь Никулична:
«Я исполнила заповедь мужнюю,
Я ждала Добрыню цело шесть годов,
Не бывал Добрыня из чиста поля;
Я исполню заповедь свою женскую,
Я прожду Добрынюшку друго шесть годов;
Так сполнится времени двенадцать лет,
Да успею я и в ту пору замуж пойти».
Опять день за днем, будто дождь дождит,
А неделя за неделей, как трава растет,
А год за годом, как река бежит.
Прошло тому времени друго шесть годов,
Сполнилось верно двенадцать лет,
Не бывал Добрынюшка из чиста поля.
Стал солнышко Владимир тут похаживать,
Настасьи Никуличной посватывать,
Посватывать, подговаривать:
«Как тебе жить молодой вдовой,
Молодой свой век коротати?
Поди замуж хоть за князя, хоть за боярина,
А хоть за русского могучего богатыря,
А хоть за смелого Алешу Поповича».
Не пошла замуж ни за князя, ни за боярина,
Ни за русского могучего богатыря,
А пошла замуж за смелого Алешу Поповича.
Пир идет у них по третий день.
Сегодня им идти ко божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу,
А Добрыня лучился у Цари-града,
А у Добрыни конь потыкается:

«Ах ты волчья сыть, ты медвежья шерсть!
Зачем сегодня потыкаешься?»
Исповещится ему добрый конь,
Ему голосом человеческим:
«Ты ей, хозяин мой любимый!
Над собой невзгодушки не ви́даешь:
Твоя молода Настасья, дочь Никулична, замуж пошла
За смелого Алешу за Поповича;
Пир идет у них по третий день;
Сегодня им идти ко божьей церкви,
Принимать с Алешей по злату венцу».
Разгорячился Добрынюшка Никитич,
Он берет да плеточку шелковую,
Он бьет бурка промежу ноги,
Промежу ноги между задняя.
Что стал его бурушка поскакивать
С горы на гору, с холма на холмы,
И реки, озера перескакивать,
Широкия раздолья между ног пущать.

Как не ясный сокол в перелет летит,
Добрый молодец перегон гонит.
Не воротмы ехал, через стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
К тому придворью ко вдовиному;
На двор заехал безобсылочно,
В палаты идет бездокладочно;
Не спрашивал у ворот приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Всех он взашей прочь отталкивал;
Смело проходил в палаты во вдовиныя,
Крест кладет по-писаному,
Поклон кладет по-ученому,
Пречестной вдовы да он в особину:
«Ты здравствуешь, честна вдова, Мамелфа Тимофеевна!»
Вслед идут придверники, приворотники,
Сами говорят таково слово:
«Пречестна вдова, Мамелфа Тимофеевна!
Как этот удалый добрый молодец
Наехал из чиста поля скорым гонцом,

Нас не спрашивал, у ворот приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Всех нас взащей прочь отталкивал».

Испроговорит им честна вдова:

«Ах ты ей, удалый добрый молодец!

Ты зачем заехал на сиротский двор,

В палаты идешь бездокладочно?

Как бы было живо мое чадо милое,

Молодой Добрыня, сын Никитич,

Отрубил бы он тебе буйну голову

За твои поступки неумильные⁴».

Говорит Добрыня, сын Никитич:

«Не напрасно ли вы согрешаете?

А я вчерась с Добрыней поразъехался,

Добрыня поехал ко Царю-граду,

А я поехал ко Киеву.

Наказывал мне братец тот родимый

Спросить про (н)его милу семью,

Про молодую Настасью Никуличну:

Где же есть она, Настасья Никулична?» —

«Добрынина родима семья замуж пошла,

Пир идет у них по третий день,

Сегодня им идти ко божьей церкви:

А в тую ль было пору, в тыя шесть лет,

Приезжал Алеша из чиста поля,

Привозил он весточку нерадостну,

Что нет жива Добрыни Никитича:

Убит лежит во чистом поле,

Буйна голова испроломана,

Могучи плечи испрострелены,

Головой лежит через ракетов⁵ куст.

Я жалешенько об нем плакала».

Говорил Добрыня, сын Никитич,

Наказывал братец мне названный:

«Если лучится быть тебе на пиру во Киеве,

Ты возьми мое платье скоморошское,

И гусельки возьми яровчеты⁶,

В новой горенке все на столике».

Принесли они⁷ платье скоморошское

И гуселки ему яровчаты.

Накрутился [8](#) молодец скоморошиной,

Пошел как на хорош почестной пир.

Идет он на княженецкий двор безобсылочно,

А в палаты идет бездокладочно;

Не спрашивал у ворот приворотников,

У дверей не спрашивал придверников,

Все он взашей прочь отталкивал;

Смело проходил в палаты княженецкия,

Крест кладет по-писаному,

Поклон ведет по-ученому,

Солнышку Владимиру в особину,

Сам говорит таково слово:

«Здравствуй, солнышко Владимир стольно-киевский

Со своей княгиной со Апраксией!»

Вслед идут все, жалобу творят:

«Солнышко Владимир стольно-киевский!

Как этот удалый добрый молодец

Наехал из поля скорым гонцем,

И тепереча идет скоморошиной:

Он не спрашивал у ворот приворотников,

У дверей не спрашивал придверников,

Все нас взашей прочь толкал,

Скоро проходил в палаты княженецкия». —

«Ах ты ей, удалая скоморошина!

Ты зачем идешь на княженецкий двор,

На княженецкий двор безобсылочно,

Во палаты идешь бездокладочно,

Не спрашивал у ворот приворотников,

У дверей не спрашивал придверников,

Скоро проходил в палаты княженецкия?»

Скоморошина к речам не примется,

Скоморошина в речи не вчуется [9](#):

«Скажи, где есть наше место скоморошское?»

С сердцем говорит Владимир стольно-киевский:

«Что ваше место скоморошское

На той на печке на муравленой,

На муравленой печке — на запечке».

Он скочил скоро на место на показанно,

На тую на печку на муравлену;
Натягивал тетивочки шелковыя
На тья струночки золоченыя,
Учал по стрункам похаживать,
Учал он голосом поваживать,
Играет-то в Цари-гради,
А на выигрыш берет все в Киеве¹⁰,
Он от старого всех до малого.
Тут все на пиру призамолкнули,
Сами говорят таково слово:
«Что не быть это удалой скоморошины,
А кому ни надо быть русскому,
Быть удалому доброму молодцу!»
Говорил Владимир стольно-киевский:
«Ах ты ей, удалой скоморошина!
Опускайся из печки из запечки,
Садись-ко за дубов стол хлеба кушати,
Станем белыя лебедушки мы рушати.
За твою игру за веселую
Дам тебе три места любимых:
Перво место, сядь подле меня,
Друго место, супротив меня,
А третье место, куда сам захошь,
Куда сам захошь, еще пожалуешь».

Не села скоморошина подле князя,
Не села скоморошина против князя,
А садилась скоморошина в скамиечку
Супротив княжны дорученыя¹¹.
Говорит удала скоморошина:
«Что солнышко Владимир стольно-киевский!
Бласлови мни налить чару зелена вина,
Поднести эту чару, кому я знаю,
Кому я знаю, еще пожалую».
Как он налил чару зелена вина,
Он опустит в чару свой золочен перстень,
Подносит княжны порученыя,
Сам говорит таково слово:
«Молода Настасья, дочь Никулична!
Прими сию чару единой рукой.

Да выпей-ка чару единым духом:
Буде пьешь до дна, так выдаешь добра,
А не пьешь до дна, не выдаешь добра».

Она приняла чару единой рукой,
Да и выпила чару единым духом,
Да и посмотрит в чары свой злачен перстень,
Которым с Добрыней обручалася;
Сама говорит таково слово:
«Солнышко Владимир стольно-киевский!
Не тот мой муж, который подле меня,
А тот мой муж, который супротив меня,
Сидит мой муж на скамеечке,
Подносит мни чару зелена вина».

Сама выскочит из-за стола из-за дубового,
Упала Добрыне в резвы ноги:
«Прости, прости, Добрынюшка Никитич,
В той вины прости меня, в глупости,
Что не по твоему наказу-де я сделала,
Я за смелого Алешеньку замуж пошла».

Говорил Добрыня, сын Никитич:
«Что не дивую я разуму-то женскому,
Что волос долог, да ум короток:
Их куда ведут, они туда идут,
Их куда везут, они туда едут.
А дивую я солнышку Владимиру
С молодой княгиней со Апраксией:
Солнышко Владимир тот тут сватом был,
А княгиня Апраксия свахою,
Они у живого мужа жену просватали!»

Тут солнышку Владимиру к стыду пришло,
А говорил Алешенька Григорьевич:
«Прости, прости, братец мой названный,
Что я посидел подле твоей любимой семьи,
Подле молодой Настасьи Никуличной». —
«В той вины, братец, тебя бог простит,
Что ты посидел подле моей любимой семьи,
Подле молодой Настасьи Никуличной;
А во другой вины тебе, братец, не прощу:
Как приезжал ты из чиста поля в первых шесть лет,

Привозил ты весточку нерадостну,
Что нет жива Добрыни Никитича,
Убит лежит во чистом поли,
Буйна голова испроломана,
Могучи плечи испрострелены,
Головой лежит через ракетов куст.
Так тогда государыня родна матушка
Желешенько с-по мне плакала,
Слезила свои очи ясныя,
Скорбила свое лицо белое:
С этой вины тебе не прощу!»
Ухватил Алешку за желты кудри,
Выдернет Алешку через дубовый стол,
Бросил Алешку о кирпичен мост,
Повыдернет шалыгу поддорожную,
Учал шалыжищем¹² ухаживать:
Что хлопанье и что оханье, не слышно видь¹³.
Всяк-то, братцы, на веку женится,
А не дай бог женитьбы той Алешиной:
Только-то Алешенька женат бывал,
Женат бывал, с женой сыпал.
Тут взял Добрыня любиму семью,
Молодую Настасью дочь Никуличну,
Пошел к государыне родной матушке,
Тут сделал он доброе здоровьице¹⁴.
Век про Добрыню старину скажут,
Синему морю на тишину,
Вам всем, добрым людям, на послушанье.

(Записано П. Н. Рыбниковым от А. Е. Чукова)

1 Мелкою, щегольской. — Б.

2 Сколько есть в тебе статьи (качества) — вежливости, тем и будь доволен.
— Б.

3 Супруга. — Б.

4 Невежливые. — Б.

5 Ракитов. — Б.

6 Из явора, яворчатые. — Б.

7 Принесла она? — Б.

8 Одедся (собств. накутался). — Б.

9 Не обращает на речи внимания, и не вслушивается. — Б.

10 Певец несколько осмыслил по-своему. По сравнению с другими былинами видим: Добрыня *съиграть*, напев, голос играл цареградский, а *наиграть*, содержание, брал в Киеве. — Б.

11 Обрученной. — Б.

12 Ручкою шалыги. — Б.

13 Не разберешь хлопанья от оханья. — Б.

14 Тут они поздоровались. — Б.

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.